Ч14 6/62

Ч14 6/62

ОИК
дет. уч.

карандаш. пометки

КРАТКАЯ ЛОГИКА,

издаННая

въ пользу юношества,

обучающагося въ Благородномъ Пансіонѣ, учрежденномъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,

Магистромъ Петромъ Богдановымъ.

ИМПЕР. РОСС. ИСТОР. БИБЛІОТЕКА

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1806 года.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 363299
193 г.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

Изъ класса Господина Чанова

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Господину

ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ,

СЕНАТОРУ,

Товарищу Министра Народнаго Просвѣщенія, Императорскаго Московскаго Университета и его Округа Попечителю,

Орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Равно-Апостольнаго Князя Владимїра, Св. Анны перваго класса Кавалеру,

МИХАЙЛѢ НИКИТИЧУ МУРАВЬЕВУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

усерднѣйшее приношеніе.

Livre à la verité ton ame indépendante,
Oſe lui conſacrer tes talens et tes jours,
L'atteſter dans les fers, et même dans les cours,
L'annoncer ſans orgueil, ainsi que ſans ſyſtême,
Et crois, en la cherchant, t'approcher de Dieu même,
Tu ſeras Philoſophe. . . .

La Harpe.

КРАТКАЯ ЛОГИКА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О чувствахъ и о различныхъ способностяхъ души.

§ 1.

Человѣкъ имѣетъ разумную душу и органическое тѣло. Тѣло есть орудіе, которымъ душа дѣйствуетъ; а душа есть то дѣйствующее въ тѣлѣ существо, которое, первыя идеи пріобрѣтая чрезъ чувства, мало помалу распространяетъ свои познанія.

§ 2.

Способности души различны: *понятіе*, *воображеніе*, *память*, *воспоминаніе*, *вниманіе*, *размышленіе* и *разумъ* вообще. — Разбе-

ремъ ихъ порознь, и посмотримъ, какъ отъ одной происходятъ другія, и какъ человѣкъ пріобрѣтаетъ всѣ тѣ познанія, которыя столь очевидно отличаютъ его отъ прочихъ животныхъ.

§ 3.

Чувства суть первыя орудія къ познанію вещей; посредствомъ ихъ впечатлѣваются въ душѣ нашей предметы. — Ежели бы мы лишены были *зрѣнія*, то не имѣли бы идеи ни о свѣтѣ, ни о цвѣтахъ; если бы не были одарены *слухомъ*, то не могли бы различать звуковъ, не могли бы внимать словамъ другихъ, и проч. И такъ *чувства* наши суть ничто иное, какъ способъ отличать одну вещь отъ другой. — Сіи чувства суть: *осязаніе* (*), *зрѣніе*

(*) *Осязаніе* есть главное чувство; оно простирается по всему тѣлу, гдѣ толь-

(**), обоняніе (***), вкусъ (****), слухъ (*****).

ко проведены жизненныя нервы; оно часто замѣняетъ потерю зрѣнія. Въ Голландіи одинъ Органистъ, сдѣлавшись слѣпымъ, продолжалъ свою работу съ отмѣннымъ успѣхомъ. Говорятъ, что онъ, взявши въ руки карты, узнавалъ, какія у товарищей, какія у него. — Лѣпщикъ Ганнибазій де Волтерръ, потерявши зрѣніе, также не отсталъ отъ своей работы. Сказываютъ, ему нужно было только ощупать предметъ, чтобъ сдѣлать изъ глины статую, совершенно на него похожую.

Помощію *осязанія* мы познаемъ: мягкость, твердость, фигуру, величину, гладкость, жесткость, сухость, тяжесть.

(**) Помощію *зрѣнія* понимаемъ величину, цвѣтъ, фигуру, разстояніе, число и движеніе тѣлъ, насъ окружающихъ.

(***) Помощію *обоняія* различаемъ здоровую пищу отъ вредной, познаемъ благовонный запахъ травъ, цвѣтовъ и растеній, отвращаемся отъ мѣстъ, исполненныхъ гнилыми испареніями и проч.

(****) Помощію *вкуса* различаемъ сладкое отъ горькаго, кислое отъ соленаго. — Пріятность вкуса побуждаетъ насъ къ употребленію пищи и питія и проч.

(*****) Помощію *слуха* мы познаемъ различные звуки, какъ-то: тонкіе, низ-

§. 4.

Душа съ тѣломъ имѣетъ тѣснѣйшую связь: тѣло дѣйствуетъ на душу, а душа дѣйствуетъ на тѣло. Тѣло одарено способностію ощущать предметы близкіе и отдаленные; въ первомъ случаѣ чрезъ *осязаніе* и *вкусъ*, а въ другомъ чрезъ посредство *зрѣнія*, *слуха* и *обонянія*. Сіи предметы, и близко и далеко отстоящіе, дѣйствуютъ на нервы нашего тѣла, и, дѣйствуя на оныя, производятъ нѣкоторыя измѣненія въ нашемъ мозгу; отсюда-то душа получаетъ понятіе о той вещи, которая произвела сіе измѣненіе. — „При звукѣ грома мы чувствуемъ потрясеніе въ слуховыхъ нервахъ; сіе потрясеніе производитъ въ мозгу нѣкоторую перемѣну, отъ которой душа по-

---

кіе, высокіе, сильные, слабые, противные, пріятные. Помощію его научаемся говорить, перенимаемъ языки, познаемъ волю и мысли другихъ.

лучаетъ понятіе о *грозѣ*.“ Равнымъ образомъ посредствомъ чувствъ дѣйствуютъ на душу и близкія тѣла. — „Поднесемъ фіалку къ носу: запахъ ея посредствомъ воздуха производитъ въ чувственныхъ носовыхъ жилахъ сотрясеніе; а сіи сообщаютъ оное мгновенно нашему мозгу, или, какъ говорятъ Физіологи, *общему чувствилищу*, и даютъ понятіе о пріятности запаха, которую производитъ *фіалка*.“ — То же должно сказать и о прочихъ органахъ тѣла, доставляющихъ душѣ нашей понятіе.

§. 5.

Что*жъ* такое есть *понятіе*? *Понятіе* есть простое представленіе въ умѣ какого-нибудь предмета.

§. 6.

Различные предметы, дѣйствуя на чувства, оставляютъ въ душѣ

впечатлѣніе (*), и возбуждаютъ силу *воображенія*, которое представляетъ прошедшее и настоящее, мечтаетъ о будущемъ, воплощаетъ безплотныя существа и даетъ душу неодушевленнымъ предметамъ.

§. 7.

Помощію *воображенія* соединяются однѣ понятія съ другими. — „Когда вы размышляете о чемъ нибудь *общемъ*, на пр о *Государствѣ*, то вмѣстѣ съ Государствомъ представляете и части его, какъ-то: города, селенія, улицы, домы, рѣки, озера, и проч. Также, думая о *Наукахъ*, думаете о Физикѣ, Исторіи, Географіи, Математикѣ и проч.“

(*) Впечатлѣнія могутъ не только ослабѣть, но и совсѣмъ изчезнуть, если онѣ не будутъ возобновляться въ душѣ. Физіологи увѣряютъ, что впечатлѣнія, получаемыя *зрѣніемъ* и *слухомъ*, бываютъ долговременнѣе и яснѣе прочихъ.

§. 8.

Воображеніе еще имѣетъ способность представлять невозможное возможнымъ и творить чудесныя картины. Такое представленіе называется *фантазія*, или *мечта*. — „Вы читаете басни, или разсматриваете изображенія языческихъ боговъ, преобращаемыхъ въ различные виды“ — это *фантазія*, или игра *воображенія*; потому что вы никогда не видывали, чтобы человѣкъ былъ превращенъ или въ дерево, или въ быка, или въ какое-нибудь другое животное.

„Душа и во время ночи — когда тѣло ваше покоится, когда глаза ничего не видятъ и ухо ничего не слышитъ — сооружаетъ *фантомы*: здѣсь зритъ она скалы, угрожающія погибелью; тамъ слышитъ стонъ утопающихъ въ страшныхъ мор-

скихъ безднахъ; и проливаетъ вмѣстѣ съ ними горестныя слезы. "

Мечты воображенія не всегда въ нашей волѣ. Хотите, или не хотите, онѣ рождаются въ душѣ, и являются вамъ безъ вашего призыванія. Но какъ сіи вообразительныя представленія дѣйствительно предъ вами не находятся, то не рѣдко заключаютъ въ себѣ что-нибудь ложное и обманчивое, пріятное или непріятное, ужасное или обыкновенное, и вы, плавая въ мечтахъ, попеременно то радуетесь, то печалитесь, то чувствуете удовольствіе, то неудовольствіе; иногда приходите въ робость и ужасъ, а иногда бываете смѣлы и отважны. — Притомъ, чѣмъ живѣе, пламеннѣе, обильнѣе *воображеніе*, тѣмъ сильнѣе *мечты*, и часто возрастаютъ до такой степени, что муха кажется слономъ.

§. 9.

Изъ сего видно различіе между *понятіемъ* и *воображеніемъ*: такъ различается отъ сихъ способностей и *память*, которая есть хранилище вещей, представленныхъ однажды, или нѣсколько разъ нашей душѣ. — Чтобы сіе различіе яснѣе понять, скажемъ: — „Другъ мой неразлучно жилъ со мною, но смерть вырвала его изъ моихъ объятій. Онъ оставилъ по себѣ трехъ дѣтей — залогъ нѣжнѣйшей любви. Я часто вижу его во снѣ, какъ живаго, вмѣстѣ съ нимъ хожу по цвѣтущему лугу и читаю его наставленія.“ Здѣсь — „дѣти его“ — будетъ *чувствованіе*. — „Я часто его вижу во снѣ и наяву, какъ живаго, и проч.“ — будетъ *воображеніе*. — „Онъ жилъ со мною неразлучно, я читаю его наставленія“ — будетъ *память*.

Часто говорятъ: онъ имѣетъ *острую*, *счастливую память*. —

Это значитъ, онъ имѣетъ способность скоро и свободно впечатлѣвать въ душѣ понятія объ одномъ или о многихъ предметахъ, и долго ихъ хранить.

Говорятъ еще: у того *память природная*, а у сего *снисканная*.

Природная память называется та, которая безъ всякаго упражненія и искуства въ человѣкѣ дѣйствуетъ; *а пріобрѣтенная*, или *снисканная память* называется та, которая изощряется помощію упражненія и искуства (*).

(*) Усовершенствованіе сей способности зависитъ отъ ежедневнаго ея упражненія, отъ вниманія, обращаемаго на тѣ предметы, которые хотимъ сохранить въ душѣ, и наконецъ отъ порядка и связи идей, которыя по свойству своему или по образу имѣютъ такое между собою отношеніе, что одна можетъ вызывать другую. — Частое представленіе однихъ тѣхъ же предметовъ, говоритъ Локкъ, для *памяти* есть то же, что черты рѣзца, которыя чѣмъ глубже врѣзываются на мѣдной доскѣ, тѣмъ бываютъ яснѣе и долговременнѣе. —

§. 10.

Часто отъ стеченія многихъ понятій, или различныхъ мыслей, память ослабѣваетъ; и когда мы не можемъ представить себѣ той вещи, о которой прежде имѣли понятіе — это называется *забвеніе*. Однакожъ не должно думать, чтобъ въ душѣ совсѣмъ изгладился тотъ предметъ, который прежде въ ней хранился. Она помощію чувствъ, при видѣ подобныхъ предметовъ, опять возобновляетъ прежній, и производитъ изъ темныхъ понятій ясныя. Сія способность души называется *воспоминаніе*. — „Я давно не прогуливался въ саду моего друга, и — такъ сказать — объ немъ забылъ; но когда вхожу въ другой какой нибудь садъ, то представляю и садъ моего друга, въ которомъ прежде прогуливался, а вмѣстѣ съ садомъ, помощію воображенія, представляю его красоту, регулярность,

плоды и цвѣты; наконецъ самаго друга, его семейство и такъ далѣе.“ —

§. 11.

Душа наша имѣетъ способность распространять свои познанія, изобрѣтать новыя истинны и разсуждать. Главное основаніе сей способности есть *вниманіе*, чрезъ которое душа продолжительно и безпрерывно занимается однимъ предметомъ, дѣйствующимъ на одно какое-нибудь чувство. — Очень рѣдко видимъ людей съ такимъ счастливымъ *вниманіемъ*, которое они въ одно и то же время могли бы обращать на разные предметы. Говорятъ, что Юлій Кесарь, между тѣмъ какъ самъ писалъ письмо, могъ вмѣстѣ диктовать разныя письма четыремъ человѣкамъ; а если не писалъ самъ, то въ состояніи былъ сказывать семерымъ. — Впрочемъ ежедневный опытъ доказываетъ, что мы въ

одно и то же время, въ одну и ту же минуту, занимаясь различными предметами, не можемъ объ нихъ имѣть яснаго понятія. — „Если вы, слушая правила, ни чѣмъ постороннимъ не развлекаетесь, то вѣрно поймете ихъ ясно.“

Примѣчаніе. Изъ сего видно: чѣмъ больше *вниманія* устремляемъ на какой-нибудь предметъ, тѣмъ лучше его познаемъ.

§. 12.

Отъ *вниманія* рождается другая вышшая способность — *размышленіе*. Мы *размышляемъ* тогда, когда всѣ части, или члены какой нибудь вещи внимательно разсматриваемъ. — „Я вижу въ первый разъ машину, и на нее одну устремляю свои чувства“ — это значитъ, я *внимаю*; но если сію же машину разбираю на части, и если всѣ, какъ малыя, такъ и большія колеса, въ ней находящіяся, внимательно разсматриваю, дохожу до

ихъ начала, сложенія и дѣйствія, тогда я *размышляю*."

§. 13.

Такимъ образомъ безчисленныя идеи, носясь въ душѣ почти безъ всякаго порядка, возбуждаютъ въ ней ту удивительную силу, которая называется *разумомъ*. Онъ, подобно солнцу, освѣщаетъ хаосъ идей, разсматриваетъ между ими отношенія, соединяетъ или отдѣляетъ ихъ, и мы, озаряясь его свѣтомъ, научаемся различать истинну отъ заблужденія, познаемъ себя и Бога; укрощаемъ бури страстей нашихъ, и склоняемъ ихъ — къ благополучію.

§ 14.

Разумъ зритъ не только дѣйствительные предметы, насъ окружающіе; онъ проникаетъ даже сокровеннѣйшія связи вещей, сравниваетъ однѣ съ другими, познаетъ ихъ причины, разсуждаетъ

и выводитъ изъ всего послѣдствія; для сего, чтобы онъ не подпалъ заблужденію, потребны общія правила, предписывающія путь къ справедливому разсужденію и познанію истинны. Сіи общія правила составляютъ *Логику.*

§. 15.

Логика раздѣляется на *Естественную* и *пріобрѣтенную. Естественную* всякой имѣетъ, а *пріобрѣтенную* тотъ, который разсуждаетъ по правиламъ. — „Простый человѣкъ всякой день предъ собою видитъ *соль*, и просвѣщенный тѣми же глазами на нее смотритъ. Они въ семъ случаѣ оба равны; однакожъ есть между ими различіе: простой человѣкъ знаетъ только, что *соль* есть *соль*, а просвѣщенный Логикъ судитъ объ ней какъ о веществѣ, превращающемся въ кристаллы (*), раство-

(*) Въ *кристаллы* — это значитъ, когда соль, распущенная въ водѣ, бу-

ряющемся въ водѣ и имѣющемъ собственный вкусъ.

§. 16.

Логика занимается тремя дѣйствіями разума: *понятіемъ, разсужденіемъ* и *умствованіемъ*, или *умозаключеніемъ*.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О понятіи вообще.

§. 17.

Понятіе (какъ мы въ первомъ отдѣленіи сказали) есть умственное представленіе какой-нибудь вещи, или матерія къ разсужденію. — „Я представляю въ умѣ *землю*, что она даетъ пло-

---

дучи поставлена въ холодное мѣсто, садится на дно сосуда, и собирается въ кусочки.

ды для нашего пропитанія. — „*Земля*“ — будетъ *понятіе*, или *матерія*, которая въ душѣ моей произвела сіе разсужденіе: „*даетъ плоды для нашего пропитанія.*“

§. 18.

Предметъ понятій есть или *самая вещь*, или ея *видъ*, или *свойство*. *Вещію* называется все то, что само по себѣ существуетъ и подвержено нашимъ тѣлеснымъ чувствамъ; — на примѣръ: „*сахаръ.*“ *Видъ* есть наружное образованіе вещи, подверженной *зрѣнію* и *осязанію*, на пр: „*твердый, бѣлый.*“ А *свойство* есть внутреннее нѣкоторое состояніе вещи, отъ извѣстнаго сложенія зависящее, и отличающее ее отъ прочихъ извѣстнымъ знакомъ, на пр. *сладкій.*“

§. 19.

Предметы можно понимать двояkимъ образомъ: или какъ самыя *вещи*,

или какъ *знаки* ея. Въ первомъ случаѣ мы разсматриваемъ предметъ въ немъ самомъ и въ его собственномъ бытіи, на пр: „*земля* и *солнце*“; во второмъ случаѣ разсматриваемъ не въ самомъ существѣ, а только въ его изображеніи, какъ-то: „на *картахъ*, *доскахъ*, *холстѣ*, или на какомъ-нибудь другомъ *веществѣ*.“

§. 20.

Такимъ образомъ *знакъ* представляетъ два понятія: одно объ вещи представленной, а другое объ вещи представляющей. — „*Ландшафтъ*“ — будетъ идея представляющая, — а „*что въ ландшафтѣ изображено*“ — будетъ идея представленная.

§. 21.

Знаки суть иные *извѣстные*, какъ-то: „*дыханіе* есть извѣстный знакъ *жизни*;“ иные *вѣроятные*, или *правдоподобные*, какъ-то:

„*краска* въ щекахъ, мгновенно показавшаяся, есть правдоподобный знакъ *стыдливости*; иные служатъ къ соединенію вещей *уподобленіемъ*, а иные къ отдѣленію вещей, какъ на пр. „человѣкъ съ человѣкомъ имѣетъ *общее сходство*, но одинъ отъ другаго отличается *способностями*, *просвѣщеніемъ*, *нравомъ*, *фигурою*, *ростомъ* и проч.“ Или: „растенія имѣютъ также *общее сходство*, но по причинѣ различныхъ свойствъ, раздѣляются Ботаниками на *классы*, *роды* и *виды*.“ Иные суть *естественные*, которые не въ воображеніи человѣка, но въ самомъ видѣ представляютъ вещь. — „*Образъ въ зеркалѣ*“ есть естественный знакъ представленія; а иные *произвольные*, какъ на пр. „*слова* суть знаки мыслей,“ и сіи знаки потому называются произвольными, что въ нашей волѣ состоитъ мысль одну и ту же выразить различными *словами*.

Примѣчаніе. Чтобы поняти одно отъ другаго отличить, благо дѣтельная Природа даровала нам языкъ, способный выражать при личными звуками каждую идею; идея, такимъ образомъ выражен ная, называется *словомъ*, или *тер мином*ъ. — Нѣмые, лишенные се способности, изображаютъ сво идеи разными движеніями.

§. 22.

Отсюда видно, что наш понятія не ограничиваются одним предметомъ. Иныя одну только вещь, а другія представляютъ намъ многія вещи, однѣ другим подобныя. Понятія, представля ющія душѣ одну только вещь которая существуетъ сама по себѣ, называются *дѣйствительны ми, нераздѣльными*, или *единствен ными*; а тѣ, которыя однѣ дру гимъ подобны, называются *отвле*

ственными (*), или *общими*. Иначе сказать: вещи, подверженныя нашимъ органамъ,

---

(*) *Отвлеченность* есть слѣдствіе, выведенное изъ сходства, или подобія, находящагося между дѣйствительными предметами. Умъ при единообразіи чувствительныхъ впечатлѣній размышляетъ и даетъ имъ названія. На пр. мы видѣли умершихъ людей, и, разсуждая о перемѣнѣ ихъ состоянія, изобрѣли имя *смерть*, которое означаетъ состояніе каждаго животнаго, переставшаго жить. Нашедши сіе названіе *смерть*, мы говоримъ объ ней какъ о дѣйствительномъ предметѣ, соединяемъ съ сею идеею другія, какъ на пр. *неумолимая смерть разрываетъ связь родства и дружбы*, и слова: *неумолимый*, *разрывъ*, *связь*, *родство*, *дружба*, будутъ отвлеченныя. То же должно разумѣть и о прочихъ идеяхъ, извлекаемыхъ умомъ, каковы на пр. *цвѣтъ* вообще, *бытіе*, *ничтожество*, *истинна*, *ложь*, и такъ далѣе. Сіи слова изобрѣтены для того, чтобы означить сходство, находящееся между дѣйствительными предметами. Всѣ вещи, имѣющія бѣлый видъ, производятъ въ насъ одинакое впечатлѣніе, и мы, разсуждая объ нихъ, даемъ общее названіе: *бѣлизна*.

суть идеи *дѣйствительныя*; а виды и свойства вещей — идеи *отвлеченныя*. — „*Земля*“, какъ вещество, идея, *дѣйствительная*, а ея „*цвѣтъ*, *твердость*, *плодородіе* и проч.“ идеи *отвлеченныя*, или *общія*; потому что сей видъ и свойство могутъ приписаны быть и другому какому-нибудь веществу.

§. 23.

Идеи отвлеченныя, или общія называются идеями *простыми*, а дѣйствительныя, или единственныя, *сложенными*. Идеи *сложенныя* называются потому, что онѣ одну вещь представляютъ со всѣми ея частями. На пр. „*земля*“; — идеи *простыми* называются потому, что онѣ представляютъ намъ одинъ только видъ, или свойство вещи. На пр. „*твердость*, *круглость*, *плодородіе*.“

§. 27.

Идеи общія можно раздѣлить на пять классовъ: на *родъ*, *видъ*, *различіе*, *принадлежность* и *случайность*.

1) *Родъ* есть общее названіе, приличествующее многимъ *видамъ*. На пр. — „*Животное* будетъ родъ въ разсужденіи *человѣка*, который есть животное, разумомъ одаренное, и въ разсужденіи *скота*, котораго мы называемъ также животнымъ, но лишеннымъ разума.“

2) *Видъ* есть общее названіе, которое приличествуетъ многимъ *нераздѣлимымъ*. — Міръ наполненъ существами сложенными. „Петръ, Павелъ, Иванъ и проч., этотъ брилліантъ, этотъ камень, этотъ червонецъ — существа сложенныя.“ Сложенное существо называется *нераздѣльнымъ*, то есть такимъ, которое, раздѣлено будучи,

не можетъ уже называться тѣмъ, чѣмъ оно было. „Раздроби бриліантъ: онъ уже не будетъ тѣмъ бриліантомъ, какимъ былъ; не будетъ имѣть ни прежней цѣны, ни тяжести; растопи червонецъ: онъ будетъ называться кусочкомъ золота. — Умъ нашъ, привидѣ *неразлѣлимыхъ* предметовъ, сравниваетъ одинъ съ другимъ, и размышляетъ.„ Когда я вижу червонецъ: разсматриваю его фигуру, матерію, изъ которой онъ сдѣланъ, и проч.; я уже имѣю идею о семъ червонцѣ и его свойствахъ. Потомъ изъ употребленія познаю, что сей червонецъ не одинъ въ свѣтѣ; я вижу множество другихъ, которые возбуждаютъ во мнѣ идею о первомъ; замѣчаю, чѣмъ они сходны между собою, и называю ихъ видами *монеты*.“

Примѣчаніе. Идеи, въ *видѣ* представленныя, могутъ быть и *ро-*

домъ и *видомъ*. *Родомъ* тогда, когда подъ ними разумѣются различные виды; а *видами*, когда они разумѣются подъ общимъ родомъ. Такимъ образомъ *животное* въ разсужденіи *человѣка* будетъ родъ; оно же можетъ быть видомъ въ разсужденіи *существа* вообще.

3) *Различіе* есть существенная принадлежность всякаго вида. — „*Человѣкъ* и *скотъ*, сіи виды животнаго, отличаются одинъ *разумомъ*, а другой *неразумѣемъ*.“ Или: „*Духъ* и *тѣло* будутъ виды въ разсужденіи существа; но между ими есть различіе: одно существо *простое*, а другое *сложное*, одно *ловелѣющее*, а другое *ловинующееся*, одно *невидимое*, а другое *видимое*.“

Примѣчаніе. Различіе можетъ быть только въ *видахъ*, а не въ самомъ *родѣ*.

4) *Принадлежность* есть такое особенное свойство вещи, которое относится къ одному только виду въ цѣломъ родѣ. — „Способность *выражать свои мысли*, есть свойство одного только *человѣка*.“ Или: „способность *летать* есть свойство *птицъ* и *насѣкомыхъ*.“ —

5) *Случайность* есть такое свойство вещи, которое въ ней находится до тѣхъ поръ, пока она не перемѣнила своего бытія. — „*Цвѣтъ*, украшающій дерево, есть случайное свойство дерева, потому что оно не всегда цвѣтетъ.“ — „Дерево приноситъ *плоды* до тѣхъ поръ, пока оно стоитъ на корнѣ и имѣетъ плодотворную силу.“ — „Человѣкъ дотолѣ *движется*, пока коса смерти его не сразила.“ — Слѣдовательно *цвѣты*, *плоды* на деревѣ и *произвольное движеніе* человѣка — есть *случайность*.

§. 25.

Всѣ сіи понятія, какъ дѣйствительныя, такъ и отвлеченныя, имѣютъ свои степени. Иныя называются *ясными*, иныя *темными*; однѣ *подробными*, а другія *смѣшанными*.

§. 26.

Чтобы имѣть *ясное* понятіе о какой-нибудь вещи, для сего довольно однѣхъ чувствъ. — „Я отличаю *сладкое* отъ *горькаго* — это значитъ, я имѣю ясное понятіе.“ — Но чтобы имѣть *подробное* понятіе, нужно вниманіе и размышленіе; ибо въ подробномъ понятіи изображаются отличительные *знаки* вещей. „Я питаю въ душѣ двѣ страсти: *надежду* и *любовь*, и говорю: надежда есть сердечное восхищеніе о *полученіи будущаго добра*, а любовь есть сердечное восхищеніе, происходящее отъ *совершенствъ* другаго, — это значитъ: я о *надеждѣ* и *люб-*

ви имѣю подробное понятіе; потому что помощію вниманія и размышленія я представилъ въ умѣ своемъ *знаки*, которыми любовь отличается отъ надежды. Любовь есть *сердечное восхищеніе*, и надежда есть *сердечное восхищеніе* — онѣ объ страсти, но та происходитъ отъ *совершенства* другаго, а сія отъ *полученія будущаго добра*.

§. 27.

Отсюда можно видѣть, что такое значатъ *темныя* и *смѣшанныя* понятія. Первыя состоятъ въ томъ, когда я не могу отличить одной вещи отъ другой; а вторыя, когда не умѣю разсказать отличительныхъ *знаковъ*. —

Человѣкъ, лишенный отъ природы зрѣнія, не можетъ различить *гвоздики* отъ *розы*: потому что онъ сихъ цвѣтовъ никогда не видывалъ; однакожъ, съ другой стороны, онъ будетъ имѣть объ нихъ ясное по-

нятіе, ежели отличитъ ихъ помощію *обонянія*, или другаго чувственнаго *органа*, отъ какого-нибудь вещества. Слѣдовательно одна и та же идея можетъ быть *ясною* по одному чувству, и *темною* по другому.

Примѣчаніе. Мы не о всѣхъ вещахъ, подверженныхъ чувствамъ, можемъ имѣть подробное понятіе. — „*Цвѣты*, *звуки*, *запахи*, *вкусы* и проч. хотя ежедневно дѣйствуютъ на наши органы, однакожь они не что иное, какъ *смѣшанныя идеи*; потому что мы не можемъ въ умѣ своемъ представить отличительныхъ, или, лучше сказать, внутреннихъ знаковъ *розоваго цвѣта* и *бѣлаго*; не можемъ также разсказать, чѣмъ *противный* запахъ отличается отъ запаха *благовоннаго*, и проч.“ Въ такомъ случаѣ мы подобны бываемъ нѣмымъ, которые видятъ, чувствуютъ, понимаютъ, но не мо-

гутъ выразить своихъ чувствованій.

§. 28.

Мы доселѣ говорили о понятіяхъ, доставляемыхъ душѣ нашей *внѣшними* чувствами; теперь нужно упомянуть и о тѣхъ, которыя пріобрѣтаются помощію *внутреннихъ* чувствъ.

§. 29.

Внутренними чувствами мы называемъ движенія души. — „Я вижу какое-нибудь сокровище: душа моя прельщается имъ, и *желаетъ* его; этого мало: она, зная изъ опыта, сколько можно изъ сего сокровища сдѣлать добраго и полезнаго, чувствуетъ къ нему *сильную наклонность*, изыскиваетъ способы къ пріобрѣтенію его, и наконецъ — положимъ — достигаетъ своей цѣли. Но какъ иные пріобрѣтаютъ сокровища позволительнымъ, а другіе непозволительнымъ образомъ, то есть, основывая свое

счастіе на погибели другихъ: то первые, при *слокойствіи совѣсти*, радуются; а послѣдніе, чувствуя въ себѣ *укреки* ея, терзаются. Изъ сего можно заключить, что внутреннія чувства суть: *желанія*, *страсти* и *совѣсть*.

§. 30.

Способность возбуждать, удерживать и управлять страстями, называется *волею*.

§. 31.

Воля раздѣляется на *добрую* и *злую*. Добрая стремится къ хорошему, а злая влечетъ къ худому — хотя подъ видомъ добра.

Добродѣтели воли: *воздержаніе*, *снисходительность*, *кротость*, *благосклонность*, *доброжелательство*, *твердость*, *бодрость*, *милость*, *чистота*, *постоянство*, *благоговѣніе*, *прилѣжность*, *надежда*, *вѣра*, *вѣрность*, *благодарность*, *почтеніе*, *повиновеніе*, *невинность*, *свобода*,

скромность, стыдъ, трезвость и проч.

Пороки: *гордость, высокомѣріе, скупость, лицемѣрство, своенравіе, нечистота, жадность, нескромность, непостоянство, невоздержность, невѣрность, неблагодарность, безстыдство, роскошь, лѣность, суетность*, и проч.

§. 32.

Не рѣдко страсти влекутъ человѣка къ погибели; и для того, чтобъ избѣгнуть мучительныхъ угрызеній, чтобъ предупредить горестное, жестокое раскаяніе, должно совѣтоваться съ *разсудкомъ* и *совѣстію*, которая никогда насъ не обманываетъ. — Совѣсть есть голосъ разума; мы безъ нее блуждали бы въ неправильныхъ понятіяхъ и неосновательныхъ разсужденіяхъ. — Счастливъ, въ комъ разсудокъ здравъ и совѣсть покойна!

§. 33.

Заключимъ теперь, что къ пріобрѣтенію понятій и къ хорошему ихъ употребленію споспѣшествуютъ не однѣ *внѣшнія чувства*, но вмѣстѣ и *различныя способности души*. Внѣшнія чувства такъ связаны со внутренними, что однѣ безъ другихъ быть не могутъ. — Здѣсь-то Творческая Десница наложила таинственную завѣсу на чудесное соединеніе души съ тѣломъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О разсужденіи.

§. 34.

Соединять два сходныя поня
тія, или отдѣлять несходныя
значитъ *разсуждать*. Но чтобы сі
понятія правильно соединять ил
отдѣлять, то должно смотрѣть н
отношеніе, какое одна идея имѣет
къ другой. — Когда я говорю
„*человѣкъ смертенъ*“ — это зна
читъ: я соединяю идеи, и здѣс
смертность будетъ отношеніе
которое прилично каждому чело
вѣку; а когда скажу: „*душа н
умираетъ*“ — я уже одно поняті
отдѣляю отъ другаго; потом
что онѣ не имѣютъ никакого от
ношенія, и душа никогда не мо
жетъ *умирать*.

§. 35.

Разсуждая о предметахъ, мы должны или *изъяснять* ихъ, или *опредѣлять*. Въ *изъясненіи* открываемъ то, что находится въ самомъ понятіи, не перемѣняя онаго. — Когда я говорю: „*человѣкъ смертенъ*," сіе свойство *смертенъ* будетъ изъясненіе, потому что оно не перемѣняетъ понятія, какое мы имѣемъ о *человѣкѣ*, но изъясняетъ то, что прилично всѣмъ людямъ; а чрезъ *опредѣленіе* разумѣется ограниченность значенія какого-нибудь общаго термина. Мы говоримъ: „*тѣла прозрачныя*," и это свойство „*прозрачныя*" относимъ только къ тѣмъ тѣламъ, которымъ отъ Природы дана *прозрачность*, потому что не всѣ тѣла имѣютъ сіе свойство.

§. 36.

Для сего-то нужно знать выше упомянутыя раздѣле-

нія поняпій, какъ-то: *родъ видъ*, *принадлежность*, *случайность* и проч. „*Животныя движутся*“ — вотъ разсужденіе истинное; но всегда ли они движутся? — Или: „*животныя имѣютъ способность понимать*“ — и это разсужденіе истинное, но здѣсь должно положить степени поняпій, потому что не всѣ имѣютъ одинакія способности. — „*Обезьяны имѣютъ способность перенимать*;“ но всѣ ли животныя одарены сею способностію? —

§. 37.

Разсужденіе, выраженное словами, называется *предложеніемъ*, которое состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: изъ *подлежащаго сказуемаго* и *связи*. Подлежащее есть самый предметъ разсужденія — „*Богъ*“. Сказуемое есть то, что о семъ предметѣ говорится — „*правосуденъ*;“ а связь есть соединеніе подлежащаго со сказуемымъ — „*есть*.“ — „*Богъ есть правосуденъ*.“ —

Примѣчаніе 1. Хотя всякое предложеніе должно состоять изъ сихъ трехъ терминовъ, однакожъ часто связь опускается, если она состоитъ изъ глагола *есть*. Лучше сказать: „*Богъ правосуденъ*, нежели: *Богъ есть правосуденъ*“. Впрочемъ, когда *сказуемое* будетъ имя существительное, что очень часто случается, тогда глагола *есть* не должно опускать, а иначе не будетъ связи въ предложеніи. — На пр. „*другъ есть даръ Неба.*“ „*Смерть есть ужасъ всего живущаго.*“ „*Ангелъ есть духъ.*“ —

Примѣчаніе 2. Часто въ предложеніи одинъ глаголъ заключаетъ въ себѣ и связь и сказуемое. — „*Человѣкъ не умираетъ душею*“. Здѣсь „*не умираетъ*“ — будетъ и сказуемое и связь. Иначе сказать: „*человѣкъ безсмертенъ душею.*“

§. 38.

Главныя части рѣчи, составляющія предложеніе, суть *имя*, или *мѣстоименіе* и *глаголъ*; а прочія части рѣчи служатъ только къ распространенію предложеній: на пр. „*человѣкъ мыслитъ.*“ — „*Я размышляю.*“ — „*Онъ размышляетъ*“ — вотъ главныя части рѣчи предложенія. А если я скажу: „*всякой человѣкъ безпрестанно мыслитъ о своемъ, или другихъ благополучіи.*“ — Здѣсь — „*всякой — безпрестанно — о своемъ, или другихъ благополучіи*“ будетъ одно только распространеніе.

§. 39.

Предложенія бываютъ или *утвердительныя*, или *отрицательныя*. *Утвердительными* называются тѣ, въ которыхъ подлежащее и сказуемое имѣютъ между собою отношеніе. — „*Порокъ вреденъ*“; — а *отрицательными* тѣ, въ коихъ

подлежащее и сказуемое не имѣютъ никакого отношенія, и которыя обыкновенно выражаются частицами: *нѣтъ, не, ни, никакой.* На пр. „*душа не умираетъ.*“ — „*Человѣкъ недолговѣченъ*“. —

§. 40.

Утвердительныя и отрицательныя предложенія раздѣляются на *простыя* и *сложенныя*, *общія* и *частныя*. Простое предложеніе состоитъ изъ одного подлежащаго и сказуемаго, а сложенное состоитъ изъ многихъ подлежащихъ и сказуемыхъ. — „*Праздность вредна*“ — вотъ простое предложеніе. — „*Праздность и роскошь гнусны и вредны для всякаго*“ — вотъ сложенное. Или: — „*Купецъ, художникъ, священникъ и воинъ, всѣ суть члены Государства.*“

Примѣчаніе. Сложенныя предложенія различны. Я здѣсь покажу только нужнѣйшія; онѣ бываютъ: 1) Соединительныя, въ ко-

торыхъ нѣсколько подлежащихъ и сказуемыхъ соединяются союзомъ *и*. — „*Правдность и роскошь вредны*.“ — 2) Раздѣлительныя, въ которыхъ нѣсколько подлежащихъ, или сказуемыхъ, раздѣляются союзомъ: *либо, или*. — „*Онъ или прославится, или постыдится*.“ — *Онъ будетъ пищею или червей, или псовъ*.“ 3) Условныя, въ которыхъ подлежащее со сказуемымъ соединяется съ нѣкоторымъ условіемъ. — „*Ежели человѣкъ старается о просвѣщеніи ума, исправленіи своего сердца, то онъ будетъ украшеніемъ отечества*.“ 4) Винословныя: — „*Порочные несчастны, потому что всѣ ихъ презираютъ*.“ 5) Относительныя: — „*Каковъ Государь, таковы и подданные*.“ 6) Изключительныя: „*Единъ Богъ совершенно премудръ*.“ 7) Сравнительныя: — „*Величайшая изъ всѣхъ потеря есть потеря друга*.“

§. 41.

Общее предложеніе есть то, въ которомъ говорится объ родѣ, или цѣломъ. — „*Порокъ вреденъ.*“ — „*Весь міръ возвѣщаетъ Творца своего.*“ — А *частное*, или *особенное* предложеніе есть то, въ которомъ говорится объ одномъ видѣ, или части. — „*Роскошь разстроиваетъ какъ душевныя, такъ и тѣлесныя силы.*“ — „*Небеса проповѣдуютъ Творца своего.*“

§. 42.

Въ иныхъ предложеніяхъ просто изъясняются свойства вещей, а въ другихъ что нибудь запрещается, или позволяется. Первыя называются *теоретическими*, а другія *практическими*. — „*Наукъ юношамъ полезны*“ — есть теоретическое, или, иначе сказать, умозрительное. — „*Юноши! упражняйтесь въ наукахъ, обогащайте разумъ познаніями, приводите на память произ-*

ведѣнія лучшихъ умовъ, предста
вляйте воображенію картины до
бродѣтели и проч.“ — вотъ прак
тическое, или дѣятельное предло
женіе.

§. 43.

Теоретическія предложенія ча
сто состоятъ въ *опредѣленіи*, или
описаніи вещей. Въ *опредѣлені*
входятъ существенныя свойства
отличающія всегда и вездѣ одн
вещь отъ другой; а *описан*
состоитъ въ томъ, когда изо
бражаются нѣкоторыя случай
ныя свойства, принадлежности
обстоятельства, и дѣйствія ве
щей. — На пр. „Сонъ есть тако
состояніе души, въ которомъ пр
спокойствіи чувствъ одна дѣй
ствуетъ душа“ — вотъ *опр*
дѣленіе; а естьли я скажу: “ сон
есть образъ смерти, единствен
ная отрада нещастныхъ; онъ
подобно весеннему тихому вѣтр
оживляетъ отягченныя и изну
ренныя горестію души и проч.“ —

отъ *описаніе.* — Въ первомъ предложеніи изображены черты лица, отличающія его отъ всѣхъ прочихъ человѣческихъ дѣйствій; а во второмъ изчислены такія свойства и дѣйствія сна, которыя можно приписать и другимъ предметамъ; потому что я могу сказать: „*несчастная жизнь* есть *образъ смерти*;“ также могу назвать и *дружество отрадою* несчастныхъ.“

§. 44.

Какъ теоретическія, такъ и практическія предложенія, иныя бываютъ столько сомнительны, что требуютъ доказательства, а иныя столько ясны, что совсѣмъ его не требуютъ. — Нужно ли доказывать сіи предложенія: „*солнце свѣтитъ*“ — „*земля производитъ плоды*“ — „*смерть все пожираетъ?*“ Но естьли я скажу: „*солнце во сто разъ болѣе земли*“ — это предложеніе не столь-

ко ясно, какъ первыя, и требует доказательства (*).

Предложеніе, не требующ доказательства, называется *сіома* и *постулатумъ*; а то, которое имѣетъ нужду въ доказательствѣ, называется *теорема* *проблемма*.

Примѣчаніе. Аксіома и постулатумъ хотя по ясности сво не требуютъ доказательства, о какожъ есть между ими нѣкот рое различіе. *Аксіома* есть т кое теоретическое пре ложеніе, которое утверждаетс на одномъ разсужденіи; а *пост латумъ* есть практическое пре ложеніе, въ которомъ выводятс

(*) Примѣчаніе. Изслѣдованію подлежат только случайныя свойст а предметов Чтобы доказать, что рѣчная вода вку на, надобно непремѣнно отвѣдать изъ многихъ рѣкъ; но чтобы сказат треугольникъ состоитъ изъ трехъ у ловъ, не нужно видѣть многіе треугол ники; ибо одинъ даетъ понятіе о всѣх

изъ разсужденія слѣдствія. — „*Богъ гнушается пороками*“ — будетъ аксіома; — „*мы должны надъ пороками торжествовать*“ — будетъ постулатумъ. Также между проблеммою и теоремою есть различіе: *проблемма* есть такое практическое предложеніе, въ которомъ изслѣдывается вопросъ. — На пр. „*какимъ образомъ должно достигать славы?*“ — А *теорема* есть теоретическое предложеніе, изображающее просто истинну. На пр. „*ученье свѣтъ, а неученье тьма.*“ Или: „*слава есть награда добродѣтели.*“

Впрочемъ, какая нужда знать, что такое-то предложеніе проблемма, а такое-то теорема? Истинну всякой здравомыслящій можетъ видѣть; вся сила въ томъ, чтобъ умѣть доказать ее и

очистить, если она покрыта мра
комъ.

§. 45.

Изъ сихъ предложеній, взаим
ное отношеніе между собою имѣ
ющихъ и различными образам
распространяемыхъ, составля
ются *періоды*, а изъ періо
довъ большія сочиненія.
Здѣсь не у мѣста говорить
о способѣ распространять пред
ложенія; я только намѣренъ пока
зать, какимъ образомъ соеди
няются одни съ другими, и как
изъ одного выводятся многія.

§. 46.

Извѣстно, что всякое пред
ложеніе состоитъ изъ двухъ
или трехъ терминовъ. Для объ
ясненія каждаго термина можн
показать или существенное, ил
случайное свойство его, описан
или дѣйствіе, или принадл
жность, или обстоятельства, ил

признаки его и проч. Въ семъ случаѣ къ каждому термину можно прибавлять одно, два, или нѣсколько предложеній; и такимъ образомъ многія разсужденія, однѣ изъ другихъ слѣдующія, составятъ продолжительную цѣпь матеріи. — „*Смерть все пожираетъ*“ — вотъ предложеніе. — Пріищемъ къ нему другія: —

„Смерть, сіе чудовище, которое ни на кого не взираетъ и не щадитъ ни лавровъ, ни короны; которое повелѣваетъ всѣмъ дышущимъ; смерть — сія губительница, простирающая власть свою повсюду — все разрушаетъ. „Сіи предложенія выведены изъ терминовъ главнаго, и такъ между собою соединены, что одно слѣдуетъ изъ другаго, и одно на другомъ опирается.

§. 47.

Изъ сего примѣра можно видѣть, что сверхъ вышепока-

занныхъ предложеній бываю
еще такія, которыя сами по
бѣ *стоять* не могутъ, а завися
отъ другаго. Такія предлож
нія можно назвать *посторонним*
или *вставочными*; а то, отъ ко
раго онѣ зависятъ, называется *гл*
нымъ. — „*Смерть все пожираетъ*“
будетъ *главное* предложеніе; —
чудовище, которое ни на кого
взираетъ, и не щадитъ ни лавров
ни короны; которое повелѣва
всѣмъ дышущимъ; смерть — *с*
губительница, простирающая л
всюду власть свою“ — будутъ *вст*
вочныя, опирающіяся на под
жащемъ.

§. 48.

Средства связывать главн
предложеніе съ посторонними ра
личны. Они связываются 1) чре
союзы, какъ-то: *соединительны*
раздѣлительные, *противительны*
уподобительные, *условные*, *ви*
словные и проч.; 2) чрезъ *причасті*

3) *дѣепричастія*, 4) чрезъ *возносительныя мѣстоименія*, 5) чрезъ *нарѣчія*: „*гдѣ*, *тамъ*, и проч.“ Сіе можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Чрезъ *различные союзы*: „Юноши! ваши родители и наставники требуютъ, *чтобъ* вы болѣе всего отличали себя благонравіемъ.“

„Уже половина вѣка нашего погрузилась въ вѣчность; *а* мы всё еще дѣти по безразсуднымъ своимъ предпріятіямъ.“

„Несчастные узники почитаютъ себя счастливыми и *тогда*, *когда* одна минута облегчаетъ ихъ цѣпи.“

„Тягостныя заботы и сѣтованія не возмущаютъ тихихъ дней Мудреца; *ибо* гордость и зависть въ немъ не господствуютъ.“

„Скромность придаетъ достоинствамъ *столько же* силы и блеску, *сколько* тѣнь картинамъ.“

„Тотъ безразсуденъ, кто захочетъ перестать быть добрымъ для того только, *чтобъ* избѣжать

стрѣлѣ зависти. Какомубѣ несча-
стію мы были подвержены, *если*
бы солнце перестало освѣщать
землю, *дабы* не ослѣпить слабыхъ
очей!“

Чрезъ возносительное мѣсто-
имéніе: „Старайтесь избирать та-
кіе роды удовольствій, *которыя*
не унижали бы человѣческаго до-
стоинства.“ — Или: „другъ
есть такое сокровище, *котораго*
не льзя купить деньгами.“ —

Чрезъ дѣепричастіе: „Александръ,
простерши завоеванія свои на край
свѣта, всё еще не насытился —
не остановился въ своихъ пред-
пріятіяхъ.“ —

Чрезъ *причастіе*: „Береги вре-
мя, *утекающее* подобно быстрой
рѣкѣ, и никогда не *возвращаю-*
щееся.“ —

Чрезъ *нарѣчіе*: „Въ странѣ,
гдѣ время измѣряется вѣчностію,
гдѣ нѣтъ никакого разрушенія,
гдѣ царствуетъ равенство, и *гдѣ*

нѣтъ высокихъ правъ благородства крови — въ той странѣ увѣнчаются наши добродѣтели и проч. “ — Такимъ образомъ соединяя предложенія, можно составить большое разсужденіе.

§. 49.

Здѣсь не всѣ изчислены средства, но довольно и этихъ; остальныя покажетъ опытъ и упражненіе. —

§. 50.

Справедливость есть первое свойство предложеній. Каждую мысль, выраженную словами, можно сравнить съ живописью, или портретомъ, который тогда только бываетъ вѣренъ, когда похожъ на предметъ, съ котораго снятъ: равнымъ образомъ и мысль, или предложеніе, тогда справедливо, когда

вѣрно изображаетъ предметы и несправедливо тогда, когда ихъ показываетъ въ другомъ видѣ, нежели какъ они намъ представляются. — Перейдемъ къ третьему дѣйствію ума человѣческаго.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

О умствованіи.

§. 51.

Третіе дѣйствіе ума нашего состоитъ въ томъ, когда мы изъ одной истинны выводимъ другую. Оно называется *умствованіе*. Здѣсь-то обнажается справедливость во всемъ блескѣ, и ложь во всемъ безобразіи. — Но не льзя правильно умствовать безъ здраваго разсудка, которой долженъ имѣть основаніемъ твердый умъ, освѣщенный лучами познаній. Истинна обыкновенно извлекается изъ одного или изъ двухъ разсужденій; и потому не можно открыть ее, если она не подтверждается другими истиннами, очищенными отъ всякаго сомнѣнія. — „*Гдѣ царствуютъ несогласіе и раздоры, тамъ дружба и любовь сиротѣютъ*“ —

вотъ разсужденіе, безъ сомнѣнія истинное; это же самое разсужденіе можете вы отнести къ какому нибудь нещастному семейству, гдѣ замѣчаете сіи пороки, и сказать: „*Тамъ, въ домѣ N . . царствуютъ несогласіе и раздоры*“ — вотъ другое разсужденіе. Теперь выведите изъ сихъ двухъ разсужденій истинну: — „*Тамъ, въ домѣ N . . дружба и любовь сиротѣютъ.*“ Соединивши всѣ сіи предложенія вмѣстѣ, вы увидите порядокъ умствованія. — „*Гдѣ царствуютъ несогласіе и раздоры, тамъ дружба и любовь сиротѣютъ; въ домѣ N.. царствуютъ несогласіе и раздоры, слѣдовательно въ домѣ N. . дружба и любовь сиротѣютъ.*“ — Такой порядокъ умствованія называется *Силлогизмомъ*. Первыя два предложенія, его составляющія, суть *посылки*, а третіе *слѣдствіе*, или *заключеніе*.

§. 52.

Способъ составлять Силлогизмы не труденъ. Пусть будетъ у насъ предложеніе: „*Лѣнивые останутся невѣждами.*“ — Пріищемъ сперва причину, почему они останутся невѣждами, и назовемъ ее *среднимъ терминомъ*, подлежащее предложеніе *меньшимъ*, а сказуемое *большимъ терминомъ*. Нашедши причину, или *средній терминъ*, соединимъ его со сказуемымъ, что и составитъ первую посылку; потомъ подлежащее, или *меньшій терминъ*, соединимъ съ причиною, что составитъ вторую посылку, и выведемъ заключеніе.

Предложеніе:

Лѣнивые останутся невѣждами.

Причина:

Потому что они *не учатся*. — Сдѣлаемъ Силлогизмъ:

Примѣръ 1.

(Средній терминъ) *Кто не учится*, (большой терминъ) *тотъ останется невѣждою*; (меньшой терминъ) *лѣнивые* (средній терм.) *не учатся*.

(Заключеніе) *Лѣнивые останутся невѣждами*.

Примѣръ 2.

Всѣ люди могутъ обманываться;
вы люди;
слѣд. *вы можете обманываться*.

Вы подлежащее, или меньшой терминъ; *можете обманываться*, сказуемое, или большой терминъ; *всѣ люди* средній терминъ.

§. 53.

Идеи *частныя* возбуждаютъ въ насъ идеи *общія*. Такъ на пр., имѣя идею объ *Иванѣ*, я сношу ее съ идеею *животнаго*, и желая доказать, что *Иванъ есть животное*, говорю объ немъ то, что прилично животному.

Всякое существо, одаренное способностїю чувствовать и двигаться, называется животнымъ;

Иванъ одаренъ способностїю чувствовать и двигаться,

слѣд. *Иванъ есть животное.*

И такъ истинное и основательное правило *умствованїя*, или *Силлогизма*, требуетъ, чтобы предметъ, нами доказываемый, содержался въ пространствѣ *общей* идеи, изъ которой извлекается заключеніе. „Когда *животное* чувствуетъ и движется, слѣдовательно и *Иванъ* чувствуетъ и движется. “

Примѣчанія.

I. Ничего не можно заключить изъ двухъ частныхъ предложеній, то есть не можно изъ нихъ вывести третьяго. „Изъ того, что Петръ скупъ, а Павелъ щедръ, должно ли заключить, что и Иванъ скупъ, или щедръ?“ —

II. Ежели одна изъ посылокъ частная, то и заключеніе должно быть частное. — „*Вы люди*, слѣдовательно *вы* можете обманываться.“

III. Ежели одна посылка отрицательная, то и заключеніе должно быть отрицательное. — „*Міръ не вѣченъ*, слѣдовательно и *вещи, въ немъ находящіяся, не вѣчны*.“

IV. Отрицательнаго предложенія не можно доказать двумя утвердительными, потому что онѣ противны между собою. Въ отрицательномъ предложеніи нѣтъ отношенія между подлежащимъ и сказуемымъ; а въ утвердительномъ какъ подлежащее, такъ и сказуемое, одно другому не противорѣчатъ.

§. 54.

Силлогизмъ, состоящій изъ двухъ только разсужденій, то есть изъ одной посылки и слѣдствія, называется *Энтимемою*.

Она отличается отъ полнаго Силлогизма тѣмъ, что въ ней умалчивается первая посылка, и начинается умствованіе со второй. —

Лѣнивые не учатся;

слѣд. *лѣнивые останутся невѣждами.*

Или:

Вы люди;

слѣд. *вы можете обманываться.*

§. 55.

*Сорит*ъ дѣлается совсѣмъ иначе. Онъ называется сложеннымъ Силлогизмомъ, и состоитъ изъ нѣсколькихъ предложеній, соединенныхъ такъ, чтобы одно поясняло другое, то есть, чтобы второе предложеніе поясняло *сказуемое* перваго, третіе *сказуемое* втораго, и такъ далѣе. Желая доказать, что *скупые бѣдны*, я говорю:

Скупые ненасытны въ желаніяхъ;
ненасытные въ желаніяхъ во многомъ нуждаются;

нуждающїеся во многомъ бѣдны; слѣд. *скулые бѣдны.*

Соритъ бываетъ неправиленъ тогда, когда его составляютъ *особенныя* предложенія, изъ которыхъ ничего не слѣдуетъ, и въ которыхъ *сказуемое* не поясняется. На пр.

Европа есть лучшая часть Свѣта;

Россїя есть лучшее Государство въ Европѣ;

Петербургъ есть лучшїй городъ въ Россіи;

такое-то зданїе есть лучшее во всемъ Петербургѣ;

моя комната есть лучшая изъ всѣхъ комнатъ въ такомъ-то зданїи;

я лучшїй человѣкъ въ моей комнатѣ;

слѣд. *я лучшїй человѣкъ во всемъ Свѣтѣ.*

Предложенія въ этомъ Силлогизмѣ такъ расположены, что ни одно не можетъ быть слѣдствіемъ другаго. Смѣшно и глупо на-

зывать себя лучшимъ во всемъ Свѣтѣ потому, что я *лучшій* въ моей комнатѣ, и проч.

§. 56.

Подлинное умствованіе состоитъ не въ расположеніи только предложеній, но въ основательныхъ и твердыхъ причинахъ. Причины открываютъ истинну. Можно умствовать, и не наблюдая порядка Силлогизмовъ. Все равно, когда вы скажете: — „*въ домѣ N. дружба и любовь осиротѣли отъ несогласія и раздоровъ*“. — Или такъ: — „*Домъ N. близокъ къ погибели; несогласіе и раздоры водворились въ немъ, и изгнали дружество и любовь*“. — Все это будетъ умствованіе. —

Какъ единообразенъ и сухъ былъ бы нашъ слогъ, еслибъ мы говорили и писали простыми Силлогизмами! — Ораторы каждую посылку берутъ порознь, распространяютъ и украшаютъ ее различными образами. На пр. Логикъ

скажетъ: „всѣ обязаны почитать Государей; АЛЕКСАНДРЪ I есть Государь, слѣдовательно всѣ обязаны почитать АЛЕКСАНДРА I.“ — Ораторъ сіи же самыя мысли разцвѣтитъ и предложитъ ихъ въ другомъ видѣ. Онъ сперва представитъ, что законъ Естественный, Божескій и Гражданскій, что благочестіе и вѣра обязываютъ подданныхъ воздавать почтеніе Государямъ; во второмъ предложеніи будетъ удивляться величію АЛЕКСАНДРА, будетъ превозносить похвалами Его человѣколюбіе, кротость и прочія добродѣтели; а въ заключеніе скажетъ, что всѣ подданные должны любить Его, какъ Отца, и почитать, какъ Владыку, возведеннаго на тронъ самимъ Богомъ.

Прочитайте Рѣчь Цицеронову въ защищеніе Милона; онъ такъ искусно скрылъ порядокъ Силлогизма, что едва можно примѣтить его. Логикъ сказалъ бы просто:

„всякому простительно умертвить своего злодѣя; Клодій былъ злодѣй Милоновъ: и такъ Милону было простительно умертвить Клодія.“ Цицеронъ въ первой посылкѣ предлагаетъ права Естественныя и Гражданскія, и представляетъ многіе примѣры; во второй описываетъ свиту Клодія и — изслѣдовавъ всѣ обстоятельства, — доказываетъ, что онъ намѣренъ былъ убить Милона; потомъ заключаетъ Рѣчь свою, говоря, что Милонъ невиноватъ, и что онъ воспользовался Естественнымъ правомъ, которое повелѣваетъ защищаться отъ нападеній непріятеля.

§. 57.

Основательныя и твердыя причины находятся въ самомъ *опредѣленіи* вещей. Здѣсь-то разумъ, сравнивая многіе предметы, разсматриваетъ ихъ качества, дѣйствія, извлекаетъ изъ нихъ слѣдствія, и изъ одной истины выводитъ другую.

§. 58.

Упражнять умъ въ изслѣдованіи истинны есть первая должность человѣка. Сіе благородное упражненіе имѣетъ вліяніе на всю нашу жизнь. Всякой человѣкъ обязанъ быть разсудительнымъ, правосуднымъ, справедливымъ во всѣхъ разговорахъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ и должностяхъ, налагаемыхъ на него обществомъ. Но сколь иногда трудно различить истинное отъ ложнаго, вѣроятное отъ подлиннаго! Здѣсь не рѣдко претыкаются самые высокіе умы; не рѣдко и они правдоподобное принимаютъ за истинное, истинное за правдоподобное. Должно согласиться, что слабость человѣческой природы не позволяетъ намъ всегда, во всѣхъ случаяхъ, открывать истинну въ собственномъ ея видѣ.

§. 59.

Ошибки, которымъ столь часто человѣкъ подверженъ въ умствованіи, различны. Онѣ происходятъ отъ *чувствъ*, *воображенія*, *страстей*, *памяти*, *вниманія*, отъ *предразсудковъ* и проч.

§. 60.

Ошибки отъ *чувствъ* происходятъ вопервыхъ тогда, когда онѣ или несовершенны, или чѣмъ нибудь повреждены; во вторыхъ, когда онѣ находятся въ дальнемъ разстояніи отъ предмета; въ третьихъ, когда мы слишкомъ поспѣшно его разсматриваемъ; вчетвертыхъ, когда вещь не всѣми испытываемъ чувствами, какими она можетъ быть испытываема и проч. — „Удивительно ли было обмануть Зевксису Парразія, когда Парразій смотрѣлъ на его искуство из-дали?“ — Впрочемъ чувства сами по себѣ насъ не обманываютъ.

§. 61.

Допустивъ ошибку въ чувствахъ, мы уже натурально допускаемъ въ себѣ дѣйствовать ложнымъ *мечтамъ воображенія*, и отсюда-то родятся тысячи обмановъ и заблужденій. *Чувства* представляютъ предметы въ собственномъ ихъ видѣ; а *мечты воображенія* раскрашиваютъ, или обезображиваютъ ихъ, и производятъ смѣшанное понятіе. Тогда величественное кажется въ глазахъ нашихъ малымъ, а малое великимъ; посредственно хорошее прекраснымъ и чрезвычайнымъ, а посредственно худое отвратительнымъ и несноснымъ; наконецъ, давши свободу *воображенію*, доходимъ до того, что самыя мечты почитаемъ за дѣйствительные предметы, призраки принимаемъ за самое ощущеніе, и — находясь въ такомъ заблужденіи — остаемся въ нерѣшимости.

§. 62.

Сверхъ сего *-воображенїе*, само по себѣ будучи чрезмѣрно пламенно, часто увеличиваетъ свои химеры, обо всемъ судитъ какъ будто справедливо, и утверждаетъ свои ложныя мнѣнія, между тѣмъ какъ разумъ, настоящій его путеводитель, остается безъ всякаго дѣйствія. Въ такомъ случаѣ, когда вы представляете себѣ вещь, должны цѣнить ея достоинство, пользу или вредъ, красоту или гнусность — и тогда-то вы должны или любить ее или ненавидѣть, желать или отвращаться. Какова вещь въ самомъ дѣлѣ, такова должна быть и степень вашего чувствованія. — Я желалъ бы представить вамъ такого человѣка, котораго какъ *чувства*, такъ и *разумъ* въ дѣйствіи; который привыкъ каждый предметъ, каждую склонность и чувствованіе рачительно испытывать: вы бы уви-

дѣли, съ какою основательностію онъ обо всемъ разсуждаетъ, какъ онъ входитъ въ связь идей, до какой подробности разбираетъ ихъ, какія выводитъ изъ нихъ умозаключенія, какъ, наконецъ, распознаетъ истинное отъ ложнаго, ложное отъ правдоподобнаго, и тогда бы сами признались, что *воображеніе* часто бываетъ источникомъ несправедливыхъ вашихъ мнѣній, и — прибавьте еще — вашей собственной и общественной погибели.

§. 63.

Я сказалъ: вашей собственной и общественной погибели — такъ, это справедливо! Подумайте, отъ чего всѣ страсти ваши раждаются? отъ чего вы принуждены бываете — иногда противъ воли вашего разсудка — стремиться къ тому предмету, гдѣ вы явную видите для себя отраву? Не *воображеніе* ли ваше тому причиною? Не *мечты* ли сильно въ васъ дѣй-

ствуя, волнуя кровь, дѣлаютъ насъ иногда — безумцами? Опытъ свидѣтель, что человѣкъ, предавшись страстямъ, заглушаетъ въ себѣ внутренній гласъ разума и совѣсти, дабы не внимать правильнымъ ихъ упрекамъ; заботится только о томъ, чтобъ удовлетворить своей порочной склонности, а тѣмъ разслабляетъ силы души. Скажите, способенъ ли такой человѣкъ пріобрѣтать высокія познанія; открывать истинну, на которую всегда смотритъ слѣпыми глазами? Можетъ ли онъ быть хорошимъ отцемъ, вѣрнымъ и полезнымъ гражданиномъ, правосуднымъ судіею, защитникомъ добродѣтели, невинности? —

§ 64.

Такимъ образомъ разстроивъ душевныя способности, чѣмъ

обогатимъ *память* свою? — Вы мнѣ скажете: мы занимаемся чтеніемъ книгъ — хорошо! но съ какимъ намѣреніемъ вы ихъ читаете? Для того ли, чтобъ, упражняя силы размышленія, извлечь изъ нихъ нравственныя, основательныя мысли, или для того только, чтобъ сократить скучное и продолжительное для васъ время? — Но посмотримъ, какими вы занимаетесь книгами? Вѣрно большею частію въ вашихъ рукахъ чувствительные романы, комедіи, драмы, трагедіи и тому подобныя, которыя не только не могутъ усовершенствовать вашего разума, но еще больше воспламеняютъ воображеніе и обременяютъ *память* однѣми пустыми мечтами. Однакожъ не должно думать, чтобы я совсѣмъ отвергалъ чтеніе такихъ книгъ; если вы подлинно изъ нихъ на-

учаетесь познавать различіе человѣческихъ нравовъ и характеровъ; замѣчаете ихъ добродѣтели и пороки, дабы онымъ послѣдовать, а сихъ отвращаться я; — ежели вы ихъ читаете съ такимъ благороднымъ намѣреніемъ: то сіе упражненіе довольно принесетъ удовольствія вашему уму, и умножитъ въ памяти число полезныхъ идей.

§. 65.

Какъ богата Природа такими идеями! Обратимъ ли взоры на небо: тамъ усматриваемъ великолѣпное свѣтило, разливающее на всѣ творенія свѣтъ и жизнь; усматриваемъ безчисленные сонмы звѣздъ и другихъ небесныхъ тѣлъ. Обратимъ ли вниманіе на поверхность земли: здѣсь видимъ обширныя равнины, покрытыя лѣсами, служащими убѣжищемъ живот-

ныхъ; видимъ поля, обильныя жатвою и луга испещренные цвѣтами; а тамъ представляется намъ неизмѣримое пространство водъ, вмѣщающихъ въ себѣ множество рыбъ. — Посмотримъ на горы, которыя въ нѣдрахъ своихъ заключаютъ богатыя руды, камни, окаменѣлости; которыя въ иныхъ странахъ часто извергаютъ изъ себя огонь, сопровождаемый сильными громами — какъ можно быть равнодушнымъ при семъ разнообразіи Природы? — Проникать тайны ея дѣйствія, познавать средства, употребляемыя ею для разрушенія однѣхъ тѣлъ и для произведенія другихъ, замѣчать различныя явленія, соображать ихъ, и, по многократномъ повтореніи опытовъ, извлекать свои умствованія — достанетъ ли на такое разсматриваніе всей вашей жизни, не говоря о прочихъ упраж-

неніяхъ? Достанетъ ли столько силъ *памяти*, чтобъ всѣ оные предметы живо сохранить? По крайней мѣрѣ я могу смѣло сказать, что такое упражненіе подлинно обогатитъ разумъ, и ваши умствованія будутъ основательнѣе и тверже.

§. 66.

Каждая новая идея для любопытнаго человѣка привлекательна; каждый новый опытъ есть вожделѣнное пріобрѣтеніе для жаднаго къ познаніямъ духа: и сіе-то самое побуждаетъ его къ дальнѣйшему распространенію понятій. Но духъ развлеченный, духъ неспокойный не способенъ къ тому: онъ на все смотритъ — безъ *вниманія*; не жаждетъ новыхъ свѣдѣній, новыхъ истинъ; не пользуется изобрѣтеніемъ дру-

гихъ и не обработываетъ своихъ способностей. — Такой человѣкъ навсегда останется съ низкимъ, простонародным умомъ, ограниченнымъ извѣстными только познаніями и занимающимся однѣми мѣлочами.

§. 67.

Безъ *вниманія* ни въ чемъ не льзя успѣть; кругъ познаній нашихъ останется всегда тѣсенъ: мы будемъ предаваться сомнѣніямъ, будемъ волнуемы тысячію разнообразныхъ, безпорядочныхъ, невѣрныхъ мыслей, и наши умствованія вселятъ въ насъ недовѣрчивость къ самимъ себѣ и другимъ.

§. 68.

Вотъ причины заблужденій. Но есть еще источникъ ложныхъ

умствованій — *предразсудки*, которымъ въ теченіе уже многихъ вѣковъ порабощаются смертные. Раскройте Исторію древнихъ и новыхъ народовъ: вы увидите тамъ, какъ они помрачили, какъ унизили разумъ человѣческій; тамъ найдете вы Браминовъ, которые твердо вѣрятъ перехожденію душъ изъ одного тѣла въ другое и боятся употреблять ихъ въ пищу, чтобъ не пожрать своихъ родственниковъ; увидите продающіяся жрецами ладонки, въ предосторожность, чтобъ на сраженіи не быть изранену непріятелемъ. Вездѣ царствуетъ заблужденіе. У Магометанъ на каждомъ, такъ сказать, шагу встрѣчаются нелѣпости. — Но на что представлять въ примѣръ отдаленныхъ народовъ? Посмотрите на тѣхъ, которые къ намъ ближе. — Ахъ! къ сожалѣнію сказать, и у насъ — въ нашемъ отечествѣ царствуютъ *предразсудки*.

Толкованіе сновъ, разборъ встрѣчи, примѣта дней при началѣ какого нибудь дѣйствія и прочія заблужденія доселѣ еще приводятъ многихъ въ недоумѣніе. Можно сказать, что всѣ народы имѣютъ свои *предразсудки*, и сіи-то *предразсудки* причиною различныхъ *сектъ*, *суевѣрія* и *раздоровъ*; они иногда самую добродѣтель приносятъ въ жертву пристрастія и жестокости. — Судите, какое они имѣютъ вліяніе на умъ и сердце человѣческое!

§. 69.

Ложныя умствованія посѣяли заблужденіе, а случай и обычаи возрастили его. Но уже ли нѣтъ средствъ противъ сей пагубной язвы, которою заражаются цѣлыя семейства, цѣлыя государства? Согласитесь со мною, что меньше бы было *предразсудковъ*,

если бы люди безъ разсужденія ни за что не принимались, перестали бы всему вѣрить слѣпо, т. е. безъ *довольныхъ причинъ*, и все отдавали бы на судъ разума. Истинный разумъ ничего не оставляетъ безъ изслѣдованія: тамъ, гдѣ есть сомнѣніе, онъ сомнѣвается; гдѣ кроется ложь, онъ ее обнаруживаетъ и отвергаетъ; гдѣ узнаетъ истинну, тамъ останавливается, береть ее началомъ разсужденія, и идетъ по ней далѣе, не боясь предразсудковъ гордости и честолюбія.

§. 70.

Истина представляется намъ подъ двумя видами: иногда облекается въ самые пышные, величественные наряды, подобно молодому модному человѣку, знающему вкусъ въ уборахъ, и сопровождается всѣмъ блескомъ крас-

норѣчія; а иногда шествуетъ въ самой простой, скромной одеждѣ, безъ всякаго украшенія, подобно степенному, пожилому мужу, который, удалясь отъ суетъ, не хочетъ болѣе блистать наружностію. Но какъ подъ пышною одеждою скрываются иногда *слабость* ума и *пороки* сердца: такъ и подъ простымъ рубищемъ сіяютъ часто *мудрость* и *добросердечіе*. Въ такомъ случаѣ долгъ здраваго разума не прельщаться пустымъ блескомъ, и снять съ истинны всѣ украшенія, кои затемняютъ ее и смѣшиваютъ съ ложью; а если истинна является въ простомъ видѣ — безъ великолѣпія: то, разсмотрѣвъ ее въ ней самой, не гнушаться ея наружною бѣдностію, и не только безъ оскорбленія, но даже съ почтеніемъ переносить ея упреки противъ нашихъ слабостей и заблужденій.

§. 71.

Юноши да почтутъ себѣ правиломъ заблаговременно пріучаться въ сочиненіяхъ, или въ простыхъ разговорахъ, цѣнить болѣе разумъ, нежели слова, украшенныя обманчивымъ блескомъ *Метафоръ*. Хотя это для вкуса молодыхъ людей и не такъ привлекательно; но кто ищетъ безпрестанныхъ пріятностей и удовольствій, тотъ навсегда останется въ младенчествѣ. — Надобно пріятное смѣшивать съ полезнымъ — вотъ истинный вкусъ разумнаго человѣка.

§. 72.

Обманы, встрѣчающіеся въ умствованіи, различны. Они вообще называются *Софизмами*, или ложными Силлогизмами.

I) Софизмъ, заключающій въ себѣ *темноту и обоюдность словъ.* На примѣръ:

Есть на небѣ такое созвѣздіе, которое называется Левъ;

но левъ рычитъ;

слѣд. *есть на небѣ такое созвѣздіе, которое рычитъ.*

Въ семъ умствованіи вы видите двусмысленность. Въ первомъ предложеніи слово *левъ* значитъ созвѣздіе; а въ другомъ предложеніи *левъ* означаетъ видъ животнаго, которое рычитъ, и изъ этаго выходитъ явный обманъ. Такою ложью были обольщены Тарквинскіе юноши, вопрошавшіе Оракула: кто изъ нихъ будетъ правителемъ Римской Имперіи? Оракулъ имъ сказалъ: тотъ, кто прежде изъ васъ поцѣлуетъ *мать* свою. Брутъ, ко-

тороmу сей обманъ былъ извѣстенъ, тотчасъ поцѣловалъ *землю*, какъ общую нашу мать, и послѣ завладѣлъ Римомъ. — Подобный сему отвѣтъ данъ былъ Крезу, приготовлявшемуся идти противъ Мидянъ и вопрошавшему объ успѣхѣ войны: „*перешедъ чрезъ рѣку Галисъ, опровергнетъ онъ великую державу.*“ — Какую державу? свою, или непріятельскую? — Это ему самому надлежало отгадывать. — Отвѣты Оракуловъ (*) всегда были запутаны темнотою

(*) Хитрость на суевѣріе всегда смотритъ съ удовольствіемъ, какъ на свою жертву. Она, прикрывшись божескою одеждою и объявивъ себя исполнительницею воли боговъ, покусилась обманывать древность своими предвѣщаніями и предсказывать будущее. Хотя у многихъ народовъ дѣйствія Оракуловъ почитались за истинно божескія; однако не было суевѣрнѣе Грековъ и Римлянъ. Сіи

и обоюдностію словъ. Такая сбивчивость понятій можетъ скры-

народы, по свидѣтельству Исторіи, никакого не предпринимали важнаго дѣла, не спросивши о томъ бездушныхъ истукановъ и не получивъ какого-нибудь отвѣта. — Простительно обманываться грубому, непросвѣщенному народу; но непростительно, что такое множество великихъ мужей, прославившихся воиновъ, тонкихъ Политиковъ и мудрыхъ Философовъ дозволяло торжествовать надъ собою невѣжеству сему болѣе двухъ тысячь лѣтъ, и вѣрить, при томъ съ почтеніемъ, сей видимой хитрости. — Иные съ Аристотелемъ утверждали, что Оракулы были внушаемы самими богами; а другіе съ Платономъ относили ихъ дѣйствіе демонамъ. Иные приписывали по душамъ усопшихъ людей, которые, какъ бы сожалѣя о подобныхъ имъ тваряхъ, открывали волю боговъ о будущемъ; а другіе приписывали хитрость сію жрецамъ, жаждущимъ прибытка. Послѣднее мнѣніе всѣхъ справедливѣе.

ваться во всякомъ сочиненіи; и для того должно стараться не только мысли, но и каждое сомнительное слово взвѣшивать на вѣсахъ разсужденія.

II) Софизмъ, состоящій *въ заимствованіи начала*, т. е. когда мы, желая доказать какую-нибудь истинну, полагаемъ причиною ту же самую истинну, только другими словами. У одного спросили: почему *опіумъ усыпляетъ*? Онъ отвѣчалъ: потому что *онъ имѣетъ въ себѣ усыпительное свойство*. Опіумъ усыпляетъ и имѣетъ усыпительное свойство — это все равно: всякой знаетъ, что опіумъ имѣетъ усыпительное свойство; но здѣсь спрашивается, почему онъ имѣетъ сіе свойство?

III) Софизмъ, въ которомъ принимается *ложь за истинну*. Люди съ здравымъ умомъ не всему слѣпо вѣрятъ. Одинъ шарлатанъ, въ 17 столѣтіи, возилъ изъ города въ городъ мальчика, имѣ-

ющаго, какъ говорилъ онъ, золотой зубъ. Философы того времени писали о семъ разныя разсужденія и доказывали, что матерія въ зубахъ сего мальчика образовалась такъ, какъ образуется золото въ рудникахъ; но одинъ искуснѣйшій Хирургъ открылъ, что сей мнимый золотой зубъ былъ покрытъ золотымъ листкомъ, искусно вложеннымъ въ десны. Изъ этаго примѣра слѣдуетъ, что объяснять и доказывать вещь должно тогда, когда мы сами, по довольномъ изслѣдованіи, увѣримся въ существѣ ея.

IV) Софизмъ, въ которомъ принимается *ложная причина за дѣйствительную*. Мы часто, желая означить причину какого-нибудь произшествія, беремъ въ доказательство то, что не имѣетъ никакого съ нимъ отношенія. При явленіи кометы, люди иногда подвержены бываютъ моровой язвѣ, голоду и другимъ нещастіямъ:

скажите, имѣетъ ли комета физическое вліяніе на сіи бѣдственные случаи? Но народъ почитаетъ ее причиною. Также: если послѣ рожденія луны идетъ дождь, должно ли думать, что луна причина дождя? Это одно только народное заблужденіе. — Нѣкоторые полетъ птицъ и другія ихъ дѣйствія почитаютъ предзнаменованіемъ печальнаго, или радостнаго приключенія; какая безразсудность! Уже ли симъ животнымъ открыта судьба человѣка?

V) Софизмъ, заключающій въ себѣ *недостаточные способы къ произведенію вещи.* Умъ человѣческій, при изобрѣтеніи какого-нибудь искуства, находитъ способы къ его усовершенствованію, и съ лѣтами утончается искуство; но сколько же въ это время должно перемѣниться средствъ? И такъ тѣ думать

ютъ неосновательно, которые, зная одинъ только способъ, почитаютъ его единственнымъ и лучшимъ орудіемъ къ произведенію, или къ усовершенствованію вещи.

VI) Софизмъ, въ которомъ выводится *изъ случайной истины рѣшительное слѣдствіе безъ всякаго изключенія.* — Кто поноситъ науки потому, что нѣкоторые ихъ употребили во зло; или проклинаетъ Медицинское искуство за то, что Доктоpы нѣкоторыхъ уморили, тотъ разсуждаетъ глупо.

VII) Софизмъ, въ которомъ мы переходимъ отъ *одного рода къ другому и почитаемъ естественное сверхестественнымъ.* — Порядокъ Природы единообразенъ, и должно основывать свои сужденія о естественныхъ вещахъ на сходствѣ и подобіи ихъ. То, что истинно однажды въ порядкѣ вещей, истинно всегда, если обстоя-

тельства не перемѣнились; но образъ, коимъ Богъ дѣйствуетъ въ порядкѣ сверхестественномъ, совсѣмъ различенъ. Сверхестественныя дѣйствія происходятъ отъ единственной воли Создателя, и никогда не должно объ нихъ разсуждать такъ, какъ о натуральномъ произшествіи. Священное Писаніе говоритъ намъ, что Богъ Навуходоносора обратилъ въ быка; сей примѣръ и другіе, имъ подобные, должны ли насъ заставитъ вѣрить превращеніямъ Овидія, которыя суть не что иное, какъ игра воображенія?

Горацій, описывая свое путешествіе, говоритъ: „по пріѣздѣ моемъ въ Гнацію, жители сего города доставили мнѣ случай смѣяться: они хотѣли увѣрить меня, что ладонъ, куримый на прагѣ ихъ храма, возжигается самъ собою безъ огня.“ — Гжа. Дасіеръ, почитая сію выдумку за истинну, уподоб-

ляетъ ее чуду Иліи, на жертву котораго снизшелъ съ неба огонь. — Умствовать такимъ образомъ значитъ отходить отъ естественнаго порядка.

Всѣ наши сужденія должны имѣть свойственную и твердую причину, на которой бы основывался умъ. Чудеса, изображенныя въ Священномъ Писаніи, намъ извѣстны по свидѣтельству, достойному вѣры; а не дѣйствія, которыя намъ представляютъ люди, отступая отъ обыкновеннаго закона Природы, должно почитать слѣдствіемъ или ихъ невѣжества, или вкуса ко всему чудесному, или смѣшенія мыслей, или обмана для пріобрѣтенія выгодъ.

Простой народъ, неспособный къ размышленію, при видѣ людей, балансирующихъ по канату, плюющихъ, по видимому, огонь, выпускающихъ изо рта ленты,

не можетъ надивиться сему искусству, и, не находя естественныхъ причинъ, почитаетъ ихъ колдунами. Но почему онъ не удивляется произведенію земли, которая хранитъ ввѣренное ей сѣмя и въ свое время даетъ плодъ? Почему не удивляется произрастенію травъ? Не потому ли, что сіи дѣйствія Природы всегда предъ глазами его, и онъ привыкъ смотрѣть на нихъ безъ размышленія?

Рѣдкія явленія въ Природѣ также не должно называть сверхъестественными. Должно ли почитать комету чудомъ потому, что мы ее рѣже видимъ, нежели солнце и луну? —

§. 73.

Для краткости я не буду болѣе говорить о различныхъ родахъ Софизмовъ; а чтобы избѣжать обмана, не худо помнить слѣдующія правила:

I. Изъ тѣхъ предложеній, въ которыхъ предметъ, или подлежащее *частное*, не должно выводить *общаго* слѣдствія. — Когда вамъ говорятъ: „*другъ* вашъ впалъ въ распутство и совсѣмъ развратился“; — вы обманетесь, если заключите, что и *всѣ люди* впадаютъ въ распутство. Напротивъ, если вы изъ *общихъ* предложеній выводите *частныя*, то есть, если отъ *рода* будете переходить къ *видамъ* и отъ *цѣлаго* къ *частямъ*: тогда вы не ошибетесь въ вашемъ мнѣніи. — Когда вы скажете: „*міръ* подверженъ тлѣнію; слѣдовательно и *вы*, и *другъ* вашъ, и *все*, что ни существуетъ въ мірѣ, подвержено тлѣнію“ — такое умствованіе будетъ справедливо.

II. *Случайныя понятія* не принимайте за такія свойства, безъ которыхъ бы вещь не могла существовать. — „Если вы назо-

вепе душу человѣческую мыслящею и *ученіемъ* просвѣщенною, такое умствованіе будетъ ложное. Что душа *мыслитъ*, это справедливо; но чтобъ она во всякомъ человѣкѣ была образована *ученіемъ* — это несправедливо; потому что милліоны людей такихъ, которые никакого понятія не имѣютъ о *наукахъ*, но имѣютъ въ себѣ душу и называются человѣками."

III. Не всегда почитайте *вѣроятное* за *возможное*; потому что въ вѣроятномъ мнѣніи находятся *случайныя* обстоятельства и причины, по которымъ только догадываться можно о вещахъ настоящихъ, прошедшихъ, или будущихъ. — „Вы почитаете за возможное, что другъ вашъ никогда вамъ *не измѣнитъ*" — хорошо! но сколь часто время, болѣзни, несчастія и другія обстоятельства заставляютъ человѣка измѣ-

нять не только ближнему, но — и самому себѣ! — *Вѣроятная истинна* часто бываетъ подвержена опроверженію.

IV. Никогда не должно разсуждать о вещахъ съ поспѣшностію; потому что чѣмъ болѣе вы разсуждаете, тѣмъ яснѣе будутъ ваши понятія, и менѣе будете подвержены заблужденіямъ.

V. Лучше открыться въ своемъ незнаніи, чѣмъ доказывать дѣйствіе, котораго настоящая причина вамъ неизвѣстна. — Ежели истинна кажется сомнительною, не отвергайте ее безъ изслѣдованія и не посовѣтовавшись съ просвѣщеннѣйшими умами.

VI. Доходите до истинны чрезъ опытъ и доказательство. *Опытъ* доставитъ вамъ понятіе о вещахъ, подверженныхъ вашимъ чувствамъ; а *доказательство*, подтвердивъ сіи вещи, соединитъ въ душѣ вашей многія умствованія и доведетъ васъ до истинны,

основанной на несомнительныхъ предложеніяхъ. Но какъ *понятія отвлеченныя* сами по себѣ не подлежатъ нашему опыту, потому что не подвержены нашимъ чувствамъ; въ такомъ случаѣ должно выводить *доказательства* изъ ихъ дѣйствія. На пр. „видали ли вы когда нибудь свою душу? Вы скажете: никогда! — Почему же вы знаете, что она въ васъ есть? Ея *дѣйствія* васъ увѣряютъ въ этой истинѣ — и дѣйствія ея будетъ тотъ же опытъ.“

VII. Если доказательства ваши безъ опытовъ, то выводите ихъ изъ *общихъ понятій*, или изъ *опредѣленія* вещей; потому что общія понятія и опредѣленія почитаются основаніемъ всѣхъ доказательствъ. — „Вамъ извѣстно, что душа *безсмертна*, но почему же? — Чтобы узнать это и доказать, подумайте, что такое душа? какое ея *общее свойство*? Тогда вы

И

легко узнаете, почему душа ваша безсмертна? — „Душа есть существо *простое*; простое существо не состоитъ изъ *частей*; что не состоитъ изъ частей, то не подвержено *разрушенію*; а что не подвержено разрушенію, то не подвержено и *смерти*.“ — Вотъ доказательство *безсмертія* души, основанное на ея опредѣленіи.

VIII. Нашедши доказательства, старайтесь выражать ихъ ясными и точными терминами. Разборчивость словъ весьма много служитъ къ тому, чтобъ другіе безъ всякаго затрудненія насъ понимали. Иные думаютъ, что многіе термины совершенно имѣютъ одно и то же значеніе; но они ошибаются. Тѣ термины, которые они называютъ совершенно *единозначущими*, изображаютъ только весьма сходныя между собою вещи; и потому одни изъ нихъ бываютъ живѣе, сильнѣе, выразительнѣе, а другіе слабѣе и темнѣе. Для се-

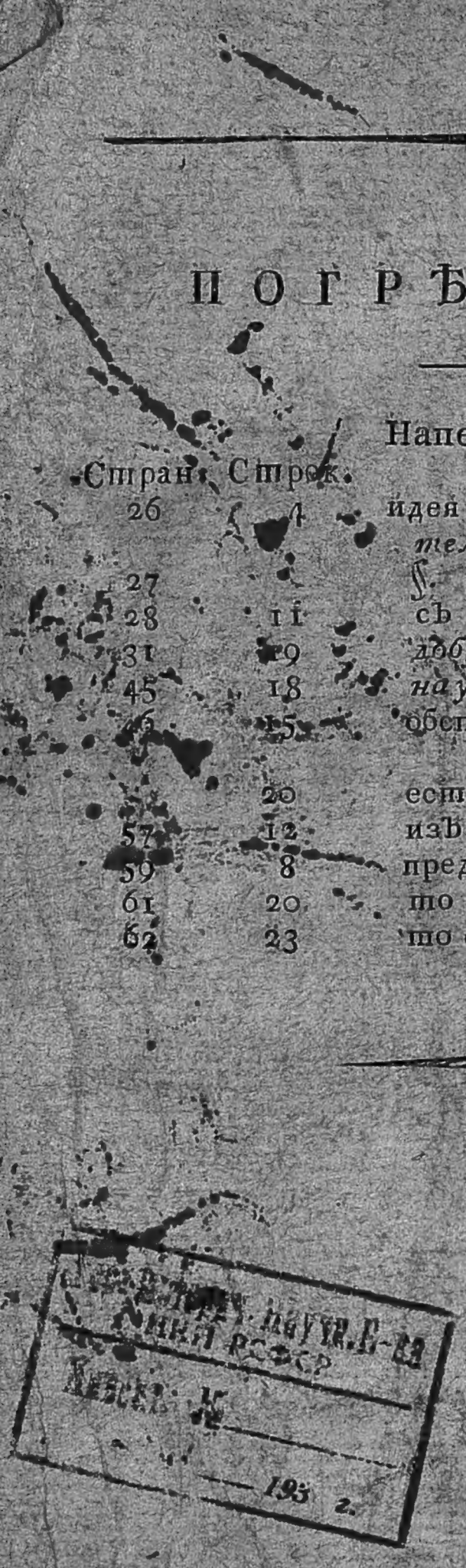
го должно взвѣшивать каждое слово вашей мысли, чтобъ оно, не увеличивая и не уменьшая, изображало точно ту вещь, а не другую, съ нею сходную.

Заключимъ, что Логика есть вѣрный путь къ образованію ума, познанію истинны и къ исправленію сердца человѣческаго. Просвѣщенный и твердый умъ не только умѣетъ хорошо разсуждать, но и дѣйствовать. Онъ наклоняетъ волю къ единому добру и съ ревностію защищаетъ нравы посреди разврата, зная, что они имѣютъ вліяніе на благополучіе каждаго человѣка и цѣлаго общества.

Конецъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Строк.	Напечатано.	Читай.
26	4	идея, *дѣйстви-*	идея *дѣйстви-*
		тельная	*тельная*
27		§. 27.	§. 24
28	11	съ другимъ,	съ другимъ
31	19	*добра*,	*добра*;
45	18	*наук и*	*науки*
46	15	обстоятельства,	обстоятельства
	20	естьли	если
57	12	изъ одного	изъ одного;
59	8	предложеніе	предложенія
61	20	то есть	то есть,
62	23	то есть	то есть;



ОИК №41443